

Пролог

Зовут меня Гильдебранд фон Альдерслебен, имя свое я получил по названию деревушки во Франконии, где и был произведен на свет почти полвека тому назад. Некоторые считают меня дворянином, а я всего лишь странствующий певец, шут, если угодно, человек вне закона, любой ландскнехт может отправить меня на тот свет, и ничего ему за это не будет.

Врожденная скромность не позволяет мне величать себя миннезингером¹, наподобие Рейнмара фон Хагенау или Нейдхарта фон Ройенталя, тем паче Освальда фон Волькенштейна, того самого, что, будучи одноглазым, вроде злополучного великана-циклопа Полифема, слагал стихи, которые и сегодня трогают людей до слез, и сочинял песни, которые

---

¹ Миннезингер — средневековый поэт, певец, автор и исполнитель рыцарской («любовой») лирики: немецкое *Minnesinger* — певец любви. Во Франции таких музыкантов называли трубадурами. (Здесь и далее примеч. ред.)

исполнял в присутствии прекрасных дам. Его уж сто лет как нет в живых, и он был одним из лучших миннезингеров.

Что уж говорить о принадлежавшем к рыцарскому сословию Вальтере фон дер Фогельвейде, который был на короткой ноге с королями и императорами и своими любовными песнями приводил в неописуемый восторг всех женщин. Нисколько не сомневаюсь, что его стихами будут восхищаться, когда никто уже и не вспомнит, где Вальтер родился и где почил.

И меня, Гильдебранда-сказителя, ждет такая же участь. Но это отнюдь не нагоняет на меня тоску, совсем даже наоборот. В конце концов, я неплохо живу, рассказывая свои истории, которые пережил сам или услышал от других.

Народ жаждет занимательных историй еще больше, чем напыщенного миннезанга¹. Не зря же Библия стала книгой книг. Только попы и их ханжи-прислужники полагают, что все дело в посулах вечной жизни. Ничего подобного. Успех Библии зиждется на бесчисленных историях, повествующих о ревности и братоубийстве, супружеской измене и любовных утехах. Даже перед колдовством Библия не останавливается, хотя Папа Римский заклеил его как безбожие и, стало быть, самый тяжкий грех. Если б мне было суждено когда-нибудь повстречаться с понтификом, я бы задал ему один простой вопрос: а как он относится к умению Господа ходить по воде? Что это, если не колдовство?

Что до меня, то мне с моими рассказами ни с кем считаться не надо. Меня не волнуют никакие законы — ни природы, ни морали, поскольку я рассказываю истории из жизни. А у жизни свои собственные законы. Законы, которые кому-нибудь да обязательно не нравятся. Законы — такая же

---

¹ Миннезанг — жанр немецкой средневековой рыцарской поэзии, являвшийся ведущим жанром куртуазной литературы на протяжении последней трети XII и всего XIII веков.

сомнительная штука, как обещание вечного блаженства, ведь никто еще не привел доказательств его существования. Посудите сами: правила, определяющие ход жизни на одном берегу реки, на другом или, скажем, за горой уже не действуют, там их даже высмеивают, ибо в тех местах совсем другие законы, над которыми мы, в свою очередь, потешаемся.

Я, Гильдебранд-сказитель, не боюсь рассказывать истории о колдунах и ведьмах. Даже дьявол, про которого многие утверждают, что его вовсе нет, в то время как иные одержимы им, играет в моих байках отнюдь не последнюю роль. Встречаются сограждане, считающие, что все это плод моей фантазии, точно так же, как стихи величайшего из сказителей по имени Гомер, которому все мы в подметки не годимся. Впрочем, пусть у каждого будет на этот счет свое мнение.

Хотя должен признаться, что и я рассказывал о странах, столь же чужих мне, как вновь открытые земли по другую сторону большого океана, где ни разу не ступала моя нога. Но разве в этом дело? Если мне удастся оживить незнакомую страну в воображении человека, я считаю свою цель достигнутой. Тогда уже совершенно неважно, какие цветы цветут на лугах — простая смолевка или диковинные, которые ни одна душа не видела и не знает их названия. Для сказителя важно другое: кто кого повстречал на этом лугу — рыцарь своего заклятого врага, разбойник кутилу, юноша свою возлюбленную или похотливый монах робкую деву.

За свою жизнь, полную захватывающих приключений, я познакомился с множеством людей, заслуживающих того, чтобы рассказать о них. То и дело на моем пути попадались женщины, для которых я становился объектом вожделения, и наоборот. Но мой образ жизни — сегодня здесь, завтра там — не позволял уделить им больше времени. Что пригорьно — с печалью и сожалением заключаю я сегодня. Но в конце моей насыщенной событиями жизни я осознал: бродячий сказитель, вагант и шут не может странствовать

с подругой. В сказителе живет тоска мужчины по женщине. И это вожделение, сладострастие, ненасытность — называйте как хотите — красной нитью проходит через все байки, сохранившиеся в моей памяти.

К самым трогательным и волнующим относится следующая история. Кстати, это единственное повествование, которое я запечатлел на бумаге, — долгая была канитель. Ибо насколько легко и стремительно мысли слетают с моего языка, настолько же тяжело мне дается в немоте записывать их неловкой рукой. Язык дан человеку с рождения, навыки письма ему еще суждено усвоить.

А потому простите, если я порой вульгарен и пишу, как говорю. За этим не кроется никакого умысла. Высокопарные слова — удел Лютера, мятежного монаха из Виттенберга. Но и тот нередко впадает в банальность. Я пишу, как Бог на душу положит и как принято в среде, в которой вращалась героиня моего повествования.

Так что не ждите от меня рассказов, дурманных, словно волшебные цветы. Уж больно жизнь у нас приземленная — в особенности у прекрасной Магдалены. Ее истории любви и пагубной страсти, счастья и страдания, добродетели и порока, набожности и безбожия хватило бы на три жизни; и все же это одна-единственная жизнь, о которой я и собираюсь вам поведать.

Глава 1

В полночь в дормитории, монастырской спальне, оглушительно зазвенел колокольчик, созывая монахинь к заутрене, первой службе нового дня. От двери вытянутого в длину общего спального зала раздался сухой, хрипловатый голос аббатисы:

— Поднимайте свои грешные тела и славьте Господа! Марш отсюда!

Семьдесят монахинь и послушниц сонно пробормотали «Благодарение Господу!» и выбрались из своих грубо сколоченных, покрытых соломенными тюфяками сучковатых ящичков, которые служили им кроватями. Вдоль каждой стены стояло соответственно по тридцать пять ящичков, обращенных изножьем друг к другу, так что оставался лишь узкий проход между рядами. Справа от каждой кровати стоял стул, куда на ночь складывалось монашеское одеяние.

Магдалена, получившая четыре года назад при поступлении в монастырь орденское имя Летиция, откинула колючее покрывало и в оцепенении присела на краю кровати. Через